

УДК 339.

Творчі дискусії з системних проблем суспільного розвитку

Єщенко П.С., д-р екон. наук

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Арсеєнко А.Г., канд. істор. наук

Інститут соціології НАН України

ПОДОЛАННЯ РИНКОВОГО РОМАНТИЗМУ І ФУНДАМЕНТАЛІЗМУ – ЕКОНОМІЧНИЙ ІМПЕРАТИВ СУЧАСНОСТІ*

*Розглянуто існуючу фінансово-економічну кризу в контексті сучасних глобалізаційних трансформацій. З цих позицій обґрунтовано системні фактори кризи, розкрито місце і роль *bubbleeconomics* у витісненні реального виробництва й створенні "економіки казино". Також піднято дискусійні теоретичні проблеми, пов'язані з пошуком моделей нового суспільства.*

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЫНОЧНОГО РОМАНТИЗМА И ФУНДАМЕНТАЛИЗМА – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОСТИ

Тень Великой депрессии над глобальной экономикой. Мировое развитие на изломе двух тысячелетий характеризовалось стремительными изменениями, а также техническими и организационными нововведениями во всех сферах жизнедеятельности человека и общества. Названный процесс берет свое начало во второй половине XX в. в рамках нового интеграционного цикла мирового капиталистического хозяйства и охватывает производство, экономику, финансы, политику, услуги, транспорт, связь, культуру, занятость, компьютеризацию, информатизацию и т. д. Важнейшими из инноваций, способствовавших росту взаимосвязи и взаимозависимости стран и народов, были научно-технические достижения в области транспорта и коммуникаций. Значительное повышение скорости и снижение стоимости грузовых и пассажирских перевозок, обретение возможности передавать информацию в режиме реального времени, как отмечает профессор истории Чикагского университета У.Макнейл, "связали человечество во всех частях мира воедино более тесно, чем когда-либо ранее" [1]. Это послужило мощным импульсом к ускорению и расширению, усилению и углублению феномена, получившего в последней трети XX в. название "глобализация" (globalization).

* Публікуючи цю статтю, запрошуємо всіх до наукової дискусії щодо піднятих питань.

Прогрессивное человечество видело в глобализации путь к реализации давней мечты всех людей доброй воли – "жить единым человеческим общежитием". С другой стороны, сторонники "глобализма" низводят всю суть глобализации к глобализации экономики и "рассматривают весь мир как одну экономическую целостность, в которой коммуникация, производство и продажа товаров не имеют барьеров" [2]. С таких позиций изначально рассматривали перспективы глобализации на правящем Олимпе в Вашингтоне и столицах других стран "семерки". При этом США преследовали цель трансформировать глобализацию в "глобализацию по-американски" с тем, чтобы впоследствии превратить ее в инструмент реализации имперских амбиций США, нацеленных на установление американского мирового господства (*Rex Americana*). Под прикрытием глобализации за счет стран "третьего мира" стремились решать свои проблемы и другие капиталистические государства, не только из "группы семи", но и "золотого миллиарда" планеты в целом, в котором представлены примерно три десятка государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития.

Превращению глобализации в "американизацию" или "вестернизацию" мира препятствовало наличие мировой социалистической системы. По признанию посла Великобритании в Украине Р.Смита, "одной из причин возрастающего принятия концепции и слова глобализация вероятно был развал бывшего Советского Союза. Пока существовал Советский Союз ... существовала значительная мировая территория, на которой вся основа общества полностью отличалась от западноевропейского или североамериканского, и потому не было никакого смысла говорить о глобализации" [3]. Исходя из этого, США и их сателлиты сделали все для того, чтобы превратить мировую территорию в глобальное капиталистическое пространство. Разрушение СССР произошло не только в силу ряда внутренних факторов, на чем настаивают беловежские заговорщики, но и благодаря компартийной элите, предавшей идеалы Октября в угоду своим заокеанским хозяевам. В связи с этим сотрудник американских спецслужб П.Швейцер в своей книге "Тайная стратегия развала СССР" отмечает: "Анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делаются попытки изучить обстоятельства данной смерти" [4].

Демонтаж мировой социалистической системы снял главную преграду на пути планетарной экспансии глобального капитализма и вызвал на Западе эйфорические настроения в научном сообществе по поводу будущего алгоритма развития человечества. В преддверии вступления мировой цивилизации почти в полном составе в "светлое капиталистическое будущее", ставшее возможным после развала СССР, видный американский философ Ф.Фукуяма в своей книге "Конец истории и последний человек" (1992) заявил о победе либеральной демократии над всеми соперничающими идеологиями и, как следствие, о конце истории". Чтобы придать так называемому "новому капитализму" имидж "хорошего общества", американские глобализаторы широко

использовали различные квазинаучные выводы о радикальной трансформации классического капитализма на исходе XX в. С этой целью в мире упорно насаждались новейшие концепции "постэкономических", "постматериальных", "постиндустриальных", "технотронных", "информационных" и иных новых мегаобществ, которые должны были посеять в "постсоциалистических" странах семена рыночного романтизма и укрепить всходы рыночного фундаментализма, т.е. неолиберальной экономики чикагской школы.

Ничего нового в господствующие в капиталистическом производстве социальные отношения названные выше необщества не внесли, ибо все они строились, исходя из уровня развития в них техники и технологии, и служили всего лишь наукообразным прикрытием экспансии глобального неолиберального капитализма, с одной стороны, и бесперспективности "догоняющего" развития, навязанного бывшим социалистическим странам, с другой. В этом контексте российский исследователь Б.Шапталов отмечает: "Так называемая "страна догоняющего развития" – это государство, не использующее методы экономической экспансии и поэтому вынужденное опираться на внутренние источники накопления: эксплуатировать деревню, вести экстенсивное хозяйство, осуществлять массированный экспорт сырья даже в период падения цен на него. Страна догоняющего развития – пария прогресса. Стать страной "перегоняющего развития" можно, лишь создав свой экономический механизм экспансии" [5]. В противном случае "догоняющая" страна попадает в положение Ахилла, который не может догнать вырвавшуюся вперед черепаху, ибо куда бы он ни пришел, черепаха там уже побывала.

Типичным примером "страны догоняющего развития" служит Украина, которой новые хозяева внушили, что в результате перехода к рыночной экономике на путях "догоняющего" развития украинский народ, как и другие народы мира, достигнет "просперити" (процветания) и будет "жить как в Америке". Но сбыться этому абсурдному обещанию не суждено, так как элементарные арифметические расчеты показывают, что для достижения и поддержания американского уровня жизни во всем мире потребовалось бы добавить к нашей Земле еще три-четыре такие же планеты. Перевод экономики Украины на капиталистические рельсы "саморегулируемого" рынка в 1990-е гг. обернулся человеческой трагедией и экономическим спадом, в два раза большим и более продолжительным, чем Великая депрессия 1929–1933 гг. в США. Стараниями отечественных рыночных романтиков (тех, кто по наивности, незнанию или глупости поверил в магические свойства рыночной экономики) и фундаменталистов (тех, кто ради удовлетворения своей "жажды денег" пошел на максимизацию прибыли, используя рычаги неолиберальной экономики, даже посредством разрушения собственной страны) украинская экономика была загнана в экономический тупик, из которого она не может выбраться почти два десятка лет, и даже вывести производство на уровень 1991 г.

Чтобы придать глобализации проамериканскую направленность, США на полную мощность эксплуатируют три силы из своего внешнеполитического арсенала: "липкую" (экономическую) силу, "притягательную" (ценност-

ную) силу и "острую" (военную) силу, которая, по словам американского политолога У.Р.Мида, имеет "исключительно практический и несентиментальный характер". С еще большим цинизмом расшифровал предназначение "острой" силы США обозреватель газеты "The New York Times", автор нескольких бестселлеров по проблемам глобализации Т.Фридман. В своей статье "Что нужно миру сейчас", опубликованной в названном "издании для интеллектуалов" он писал: "Для того, чтобы глобализация работала, Америка не должна бояться действовать как всемогущая сверхдержава, какой она есть ... Невидимая рука рынка никогда не будет работать без невидимого кулака – Макдональдс не может преуспевать без Макдонелл Дуглас, конструктора истребителя F-15. И невидимый кулак, который поддерживает безопасность в мире ради технологий Силиконовой долины, называется Армией США, Военно-Воздушными Силами США, Военно-Морским Флотом США и Корпусом морской пехоты США" [6].

Обращает внимание тот факт, что статья Т.Фридмана появилась в "The New York Times" 28 марта 1999 г., то есть спустя несколько дней после американо-наатовской агрессии против Союзной Республики Югославии. Последняя наглядно продемонстрировала всему миру, насколько острой и беспощадной даже по отношению к мирному населению может быть военная человекоубойная сила США и других стран НАТО. Со сменой караула в Белом доме и приходом к власти президента США Дж.Буша-мл. ставка на "острую" силу в реализации глобальной стратегии США поднялась на новую высоту, особенно после событий 11 сентября 2001 г. В соответствии с этой стратегией США преследуют пять целей: 1) нейтрализовать и подчинить себе других партнеров по триаде (Европа – США – Япония), ограничив их способность действовать независимо от Америки; 2) установить военный контроль над бывшими республиками СССР посредством НАТО, обустроив их по латиноамериканскому образцу; 3) установить безраздельный контроль над Ближним Востоком и Центральной Азией с их нефтяными запасами; 4) развалить Китай и обеспечить подчиненность больших государств (Индия, Бразилия), а также не допустить формирования региональных блоков, способных вести переговоры об условиях глобализации; 5) вытеснить на обочину те регионы Юга, которые не представляют стратегического интереса для Соединенных Штатов. При этом, как отмечает египетский исследователь С.Амин, "гегемония Соединенных Штатов основывается в гораздо большей мере на их избыточной военной силе, нежели на "преимуществах" их экономической системы" [7].

Новая экономическая теория, которая начала формироваться на Западе на исходе XX в., поставила в центр "постиндустриального общества" так называемую "новую экономику". Особое ударение в ней делается на появлении и внедрении в индустриально развитых капиталистических странах нового сектора производства – информационной экономики. В ней значительно преувеличиваются метаморфозы капиталистического общества под воздействием новых информационных технологий [8], а тесно связанная с ней "новая экономика" зачастую зиждется на гиперболизированных представлениях

о социальных и экономических последствиях внедрения в правительственную и корпоративную практику новейших достижений научно-технологической революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По мнению глобализаторов, информационная экономика служит сердцевинной "новой экономики", способной обеспечить эффективное хозяйствование во всем мире в условиях грядущего дефицита ресурсов в XXI в. Поэтому бизнес-модель новой экономики, по мнению ее апологетов, должна прийти на смену бизнес-модели старой экономики, несмотря на то что "новая экономика", как показало дальнейшее развитие событий, по сути является старым вином, перелитым в новые бочки.

В связи с необходимостью популяризации "новой экономики" вице-президент компании American Express Company по вопросам международных корпоративных отношений Дж.Э.Сперо на заре становления ИКТ писала: "Со слиянием компьютерных и коммуникационных технологий информация стала самым современным видом технологического прогресса и центральным элементом экономического роста" [9]. В интерпретации сторонников "информационной экономики" сбор, обработка, хранение и распространение информации, которая не уменьшается даже в результате многократного использования, станут в ней таким же рутинным делом и сырьем, какими были добыча и использование руды и угля в индустриальную эпоху. Адвокаты этой концепции совершенно не обращали внимания на то, что для решения проблемы компьютеризации и информатизации, как и для производства автомобиля, нужны металл, пластмасса, стекло, вода и многие другие традиционные материалы и энергоносители. Эйфория по поводу ИКТ зашла так далеко, что некоторые глашатаи "постиндустриальной" эры на исходе XX в. поспешили заявить, что пришло время сдать в исторический архив традиционные представления о циклическом развитии капиталистической экономики.

Названные заявления прозвучали вопреки здравому смыслу, так как спады и подъемы производства и кризисы валютно-финансовой системы являются вечными спутниками капитализма. Экономические кризисы основательно потрепали экономику США в XX в., особенно в 1900–1903, 1907, 1920, 1929–1933, 1937–1938, 1948–1949, 1953–1954, 1957–1958, 1960–1961, 1966–1967, 1974–1975, 1979–1982, 1990–1993 годах [10]. Не обошли стороной США и финансовые кризисы ни в XIX в., ни в XX в., ни до создания, ни после учреждения в США Федеральной резервной системы, выполняющей функции центрального банка США и осуществляющей контроль над коммерческой банковской системой страны. Особенно жестокими и глубокими в США были финансовые кризисы в 1873, 1884, 1893, 1907, 1920–1921, 1929–1933, 1937–1938, 1980–1982 годах [11]. Как отмечает лауреат Нобелевской премии Дж.Ю.Стиглиц в своей статье "Несуществующая рука": "Экономические и финансовые кризисы являются характерной постоянной чертой капиталистических экономик; только период сильного финансового регулирования после окончания Второй мировой войны был почти полностью свободен от них. После

отмены регулирования финансового рынка кризисы вновь стали повторяться более часто: у нас их было более 100 за последние 30 лет" [12].

После Второй мировой войны циклические кризисы в мире капитала также все теснее и чаще переплетаются с валютно-финансовыми потрясениями, которые приобрели перманентный характер и с каждым новым явлением или повторением представляют собой все большую угрозу функционированию мирового капиталистического хозяйства. В период с 1945 по 1970 г. в капиталистических странах зафиксировано 56 финансовых кризисов, с 1970 по 2009 г. – 378 [13]. Тем не менее, как свидетельствует экономический доклад, направленный Конгрессу США последним в XX в. президентом США Биллом Клинтонем, приведенная статистика циклических колебаний американской и мировой экономики в XIX–XX вв. не помешала отдельным американским наблюдателям, утверждать, "что экономика в 1990-е годы существенно изменилась, и что понятие традиционного экономического цикла устарело" [14]. Таким образом "новая экономика" наделялась свойствами "бескризисного вечного двигателя" развития.

Однако не успела высохнуть на этом главном президентском послании Конгрессу в области экономики типографская краска, как рассуждения о "бескризисном" развитии США сменились бурными дебатами о разработке и осуществлении антикризисных мер на Капитолийском холме. Первый экономический кризис, разразившийся в США в начале XXI века (2001–2002 годы), был кризисом именно новых компаний, тесно связанных с Интернет-технологиями и призванных стать главными бустерами развития в США после их вступления на информационный путь экономического роста. Коллапс многих из них был обусловлен быстрым ростом ИКТ и котировок акций этих компаний, а также не менее стремительным "сдуванием" спекулятивного фондового "пузыря". Благодаря этому кризис 2001–2002-х гг. навсегда вошел в экономическую историю США и ряда других стран Запада как "доткомовский пузырь" (*dot-com bubble*) или же "информационно-технологический пузырь" (*IT bubble*). В названии этого кризиса получил отражение искусственный подъем с помощью интенсивных рекламных мер стоимости акций новых информационных компаний. В некоторых из них стоимость одной акции в 1990-е гг. выросла буквально в сотни раз, несмотря на то что вся собственность таких компаний зачастую состояла всего из нескольких комнат и пары компьютеров. Примером виртуального характера "лидеров" "новой экономики" вполне может служить американский Интернет-провайдер America Online, капитализированная стоимость которого (при незначительной стоимости балансовых активов) в 1999 г. была в четыре раза больше, чем крупнейшего гиганта мирового автомобилестроения – General Motors [15, с. 134–135].

В пламени экономического кризиса 2001–2002 гг. в результате трехлетнего падения фондового рынка США "сгорело" не менее 8,5 трлн долл. американского фиктивного богатства [15, с. 136–137]. Спад производства в США на пороге XXI в. до предела обнажил все пороки спекулятивной капиталистической экономики. И только многократное и сильное понижение учетной ставки

ФРС, а также война в Ираке, давшая очередной импульс ренессансу "военного кейнсианства" в США, несколько отсрочили втягивание американской экономики в современный кризис. По сути экономический кризис 2001–2002 гг. был предвестником нынешней глобальной Великой депрессии, но никаких выводов из этой спекулятивной истории в США не было сделано. Одна из основных причин этого заключается в том, что к тому времени неолиберальная риторика превратила жадность, обогащение и потребление в высшие человеческие ценности в стране, где "четверть всех американцев прямо или косвенно вовлечены в биржевую деятельность" [16]. По другим данным, в начале XXI в. более 50% домохозяйств в США владели акциями и играли на фондовом рынке, что способствовало интенсификации "биржевой лихорадки" в центре капиталистического мира [15, с. 149]. В этих условиях курс финансовой олигархии на снятие всех барьеров на пути движения капитала совпадал с интересами многих из тех, кто в последние годы, прибегая к кредиту, был вынужден тратить больше, чем зарабатывал своим тяжелым трудом в промышленности, сфере услуг или "третичном" секторе. Кстати, такой образ жизни государство не просто поддерживало, а поощряло, что сыграло немаловажную роль в развитии нынешнего финансового кризиса, который "по масштабу и сложности своих проявлений не имеет исторических аналогов – это первый по настоящему глобальный кризис в истории человечества" [17].

Американская финансовая олигархия, спровоцировавшая "первый по настоящему глобальный кризис", значительно упрочила свои позиции в коридорах власти в Белом доме в период президентства Б.Клинтон. Этому предшествовала "тайная вечеря" молодого кандидата в президенты США с американскими воротилами финансового мира в одном из ресторанов в районе Уолл-стрит, когда Клинтону в обмен на поддержку со стороны финансового капитала США на предстоящих выборах выставили ряд совершенно определенных требований. Речь шла прежде всего о расчистке дороги для "свободного перетекания капиталов", чтобы обеспечить ежегодный приток на Уолл-стрит от 600 до 1000 млрд долл. инвестиций со всего мира, а также о назначении ставленника Уолл-стрит Р.Рубина министром финансов США [18]. Оба условия Клинтон выполнил сразу после прихода к власти, что стало очередной вехой на пути дальнейшего сращивания интересов американского государства и финансовой олигархии.

"Наиболее кардинальной трансформацией политических стратегий в последние десятилетия стало широко распространённое движение в направлении финансовой и иных форм либерализации. Наряду с отменой в 1999 г. американского закона Гласса-Стигала 1933 г., что создало для заёмщиков с небезупречной кредитной историей рискованный ипотечный рынок, в августе 2008 г это спровоцировало финансовый кризис"[19], – отмечалось недавно на страницах "Cambridge Journal of Economics". Закон Гласса-Стигала – это Закон о создании Федеральной корпорации по страхованию депозитов, одобренный 16 июня 1933 г. В соответствии с этим актом депозитные и инвестиционные функции банков в США были разделены, чем ставился серьезный

барьер спекулятивным операциям и гарантировалось страхование банковских депозитов в сумме до 5000 долл. Аннулирование закона Гласса-Стигала и других ему подобных законодательных актов развязало руки финансовой олигархии и сыграло важнейшую роль в финансиализации и виртуализации экономики США, финансовой глобализации мира. Все это способствовало вытеснению реального сектора экономики, росту фиктивного, спекулятивного капитала, превращающего деньги и ценные бумаги в особо быстрорастущие финансовые операции, цель которых – получение не базового актива, а прибыли от изменения цен. Такой капитал порождает принципиально новую экономику – *bubbleeconomics*.

Современная *bubbleeconomics* как она есть. Термин "*bubbleeconomics*" образован на основании слияния слов *bubble* (пузырь, "мыльный пузырь", дутое предприятие, фиктивное предприятие, кажущееся увеличение, зачастую как следствие инфляции или ложных планов) и *economics* (экономика, народное хозяйство, экономическая наука, политэкономия, хозяйственная жизнь). По нашему мнению, названное понятие достаточно полно и точно отражает сущность тех изменений, которые произошли в экономике США примерно за последние 30 лет, когда с появлением информационного сектора "новая экономика" с ее помощью взяла курс на значительно опережающее и многократное превышающее по сравнению с производительной экономикой повышение нормы прибыли. Поэтому с появлением ИКТ большой бизнес и правительство США видели главные задачи стабилизации американской экономики не столько в создании новых товаров и услуг, что, по теории Й.Шумпетера, является основой инновационного развития, сколько в перераспределении накопленной стоимости. Как отмечает российский исследователь этой проблемы Е.Роговский, в XXI в. до 75% ежегодного прироста ВВП США было связано не с созданием новой стоимости, а с торговлей, лизингом, залогами и иными услугами по перераспределению прав на уже существующее имущество и интеллектуальную собственность [20]. Переформатированная и поддержанная массовой пропагандой и финансовыми институтами, "новая экономика" стала раковой опухолью на теле американской экономики" [15, с. 28], а также экономик других стран. По словам авторов статьи "Природа и противоречия неолиберализма", "спекулятивный бум был свойственен большинству наиболее развитых капиталистических стран, за очевидным исключением Японии, и в США был не сильнее, чем в Европе" [8, с. 63–64].

Не ставя под сомнение позитивное влияние информационной экономики на многие стороны развития мирового хозяйства и общественной жизни, нельзя не отметить, что монополизировав за собой право интеллектуальной собственности на многие Интернет-технологии, США, с одной стороны, получили наибольшие выгоды от внедрения ИКТ в социально-экономическую и политическую практику, а с другой стороны, учредили в нынешнем мире новую форму неравенства, получившую названия "информационный разрыв", "информационное разделение", "информационная асимметрия" и дру-

гие. К этому необходимо добавить, что возможности ИКТ использовались и используются финансовой олигархией США и других западных стран не столько для решения насущных задач бедных стран и глобальных проблем человечества, сколько для стимулирования во всем мире спекулятивного бума и создания "экономики казино". Альфой и омегой последней является игра на фондовой бирже на повышение (Bull Market – Бычий рынок) или понижение (Bear Market – Медвежий рынок) курса акций. Повышение цены акций стало в наши дни главным средством обогащения владельцев крупных пакетов акций, чем они пользуются на полную мощь, возведя финансовые спекуляции и аферы в ранг основной биржевой политики.

Постиндустриальное общество, как и "новая экономика" в США и других западных странах, оказались старым вином в новых мехах. Они не оправдали возлагавшихся на них надежд, так как не только не решили старых проблем, но и добавили новых, не имеющих аналогов в прошлом. Одна из них, связанная с "экспортом" "убегающими" американскими корпорациями рабочих мест за границу, заслуживает особого внимания. Миллионы американцев не могут решиться трудоустроиться в своей стране потому, что в большинстве городов "индустриального сердца" Америки в конце XX–начале XXI вв. десятки традиционных ТНК, объявленных реликтами индустриальной эпохи, одно за другим закрывались и перебазировались в Мексику, Китай и другие зарубежные страны, а "новая экономика", рассчитанная на мастерство новой рабочей силы – "золотых воротничков", не стремилась заполнить образовавшиеся в "постиндустриальных" городах ниши.

В результате передислокации "убегающих" корпораций в страны с дешевой, но квалифицированной рабочей силой только после 2000 г. США потеряли в общей сложности 5,6 млн рабочих мест или треть всех имевшихся в то время в американской обрабатывающей промышленности. Брошенные на произвол судьбы рабочие вынуждены были искать работу в лучшем случае в сфере услуг, где почасовая оплата труда примерно в три раза ниже, чем в обрабатывающей индустрии, в худшем – перебиваться случайными заработками и, по мере возможности, жить в кредит [21]. По мнению профессора П.Робертса, публикуемые в США данные о положении дел на рынке труда далеки от объективной оценки. В связи с этим он пишет: "Новая экономика" является мистификацией подобно большинству всего иного, что скармливают американцам купленные и хорошо оплачиваемые медиа. Нет никакой новой экономики, есть безработная экономика. Заголовки газет утверждают, что уровень безработицы чуть превышает 10%. Реальный же уровень безработицы, измеренный в соответствии с сегодняшней методологией, составляет 17%. Уровень безработицы, измеренный в соответствии с методологией 1980 года, равняется 22%" [22].

"Новая экономика" всячески поощряла такое потребление. Это привело к тому, что суммарный личный долг среднего американца в начале XXI в. равнялся 100% его личного дохода [23]. Это же стало и одной из главных причин финансового краха в США и возврата капитализма к депрессивной экономике.

По словам лауреата Нобелевской премии П.Кругмана, депрессивная экономика "означает, что впервые за много лет слабость экономики спроса (частные расходы, недостаточные для того, чтобы в полной мере загрузить имеющиеся производственные мощности) стала наглядным для всех действующим ограничением, препятствующим процветанию большей части мира" [24]. В данном случае речь идет об экономическом кризисе перепроизводства, который все-сторонне разработан марксистской политэкономией и сводится к перепроизводству товаров и обострению трудностей с их сбытом в результате падения платежеспособного спроса основной части населения – трудящихся. Названная фаза капиталистического цикла характеризуется сокращением производства, закрытием предприятий, падением жизненного уровня трудящихся, расстройством торговли, нарушением денежных и кредитных отношений.

"Нынешний финансовый кризис показал всю несправедливость системы, которая была создана в Соединенных Штатах и приносит вред прежде всего периферийным странам" [25], – вынужден признать всемирно известный финансист и финансовый спекулянт Джордж Сорос. Созданные в США и других западных развитых странах в последние годы экономики и системы, все меньше и меньше опирающиеся на реальный капитал и промышленность и все больше и больше утрачивающие индустриальный сектор, приносят значительный вред и своим собственным странам. В США доля промышленности в ВВП составляет всего 11% [26, 27]. Вопреки обещаниям адептов "новой экономики" о постоянном открытии рабочих мест в информационной экономике, нынешний кризис с каждым днем выталкивает из этого сектора, которому совсем недавно пророчили роль станового хребта американской индустрии, все больше и больше высококвалифицированных специалистов на улицу. Подобное характерно и для других развитых стран, где доля реального сектора в экономике составляет 10% общего оборота финансовых ресурсов, а 90% всех средств вложено в спекулятивные торгово-финансовые активы, где 5% из них – это финансовые ресурсы валютных рынков ценных бумаг [27].

Специфика bubbleeconomics в США и других ведущих западных странах в том, что в настоящее время они главным образом представлены сферой нематериального производства, и оставаясь таким образом главными поллютантами Земли, сейчас в меньшей мере загрязняют окружающую среду за счет промышленных и сельскохозяйственных предприятий. По мере передислокации грязных, дымных и опасных производств в развивающиеся страны в США и других странах "семерки" постепенно возрастал удельный вес информационной экономики, монопольным ресурсом в которой служат информация и знания. Последние – предпосылка не только производства нового знания, но и таких, доступ к которым ограничен, поскольку знания и информация в отличие от индустриальных благ отличаются редкостью и ограниченностью, а возрастание затрат на их производство непропорционально полученным результатам. Образно называя "новую экономику" высокотехнологичным кровососом в США, А.Кобяков и М.Хазин отмечают, что "анализ структуры расходов показал, что для повышения расходов населения

всего на 2% в долях ВВП потребовалось увеличение инвестиций в саму "новую экономику" почти в два раза" [15, с. 27].

Переход развитых стран на производство "новой информационной продукции" способствовал созданию новых рабочих мест и научно-техническому прогрессу. Однако с втягиванием этих стран в глобальный финансово-экономический кризис спрос на эту продукцию во всем мире резко упал, что повлекло за собой весомое сокращение занятости в информационном секторе экономики, которое продолжается до сих пор. По данным Министерства труда США, в марте этого года из названной отрасли экономики было уволено 12000 работников [28]. Страны, ставшие на "информационный" путь развития, обретают определенный выигрыш в деле повышения реальных доходов своих потребителей, которые вместо приобретения дорогих товаров внутреннего производства покупают более дешевые иностранные товары. Однако те же потребители часто страдают от практики переноса западного производства в страны "третьего мира" и с так называемой "переходной" экономикой, что все чаще практикуется ТНК в поисках наиболее благоприятных условий для максимизации прибылей. В результате в странах базирования штаб-квартир ТНК в последние годы растет безработица. Во многих странах ЕС она выражается двузначными цифрами и постоянно ведет к увеличению армии "лишних" людей, особенно в бывших социалистических странах – новобранцах в ЕС. Экономическая стратификация в свою очередь влечет за собой экологическую и инновационную стратификацию. Это проявляется в том, что ресурсо-, трудоемкие и экологически "грязные" производства, особенно их старые отрасли, постепенно выносятся в страны с дешевой рабочей силой. В "постиндустриальных" странах обычно остаются высокотехнологичное и наукоемкое производства, однако в последнее время и они все большую часть своих операций переносят за рубеж.

С другой стороны сфера услуг не может занять место первичного и даже вторичного секторов, так как эти секторы материального производства обеспечивают жизнедеятельность общества, создают предметы личного и производственного потребления, необходимые для существования людей. Развитие сферы услуг опирается на материально-техническую базу, которая создается для нее в материальном производстве. Вот почему сокращение частицы материального производства в занятости и в структуре ВВП в интересах сферы услуг, а также стремительное развитие новых видов услуг не ставят под сомнение первичную роль материального производства в экономике как основы жизни человеческого общества, а, напротив, свидетельствует о колоссальном росте его потенциала и производительности общественного труда в целом. Этот рост обеспечивается материальным производством в его взаимодействии с наукой.

Причиной структурных деформаций мировой экономики является существующая модель глобализации, которая воспроизводит общую неравномерность и порождает противоречия в мировом хозяйстве. По мнению Дж. Стиглица, сегодня глобализация не "работает" ни на бедных, ни на сохра-

нение окружающей среды, ни на стабильность мировой экономики. Главную причину этого он видит в существующей институциональной системе. "Проблема не в глобализации, а в том, как она осуществляется. Частично это связано с международными экономическими институтами – с МВФ, Всемирным банком и ВТО, которые способствуют выработке правил игры. Они делают это слишком часто скорее в интересах более передовых промышленно развитых стран – и в интересах особых групп в этих странах, – чем в интересах развивающегося мира" [29], – отмечает Дж.Ю. Стиглиц.

Глобализация посредством перераспределительного механизма в виде финансов, кредита, денежного обращения, а также развития транспорта и средств связи, мобильности факторов производства между разными государствами, возможности обмениваться опытом, знаниями, специалистами, технологиями и другими факторами производства создает условия для синхронизации структурных изменений в разных странах. В этом контексте осложнения, о которых шла речь выше, испытывают экономические структуры не только в самых развитых странах, но и в странах, которые находятся на низших ступенях развития. Именно поэтому общемировой тенденцией макроструктурных сдвигов является постоянное сокращение в производстве ВВП доли аграрного сектора экономики и роста доли услуг. Отмеченная тенденция характерна как для стран с высоким, так и для стран с низким уровнем дохода на душу населения [30].

В последнее время все больше не только ученых, но и политиков, общественных деятелей видят в основе современного глобального кризиса и структурных деформациях мегаэкономики генетический дефект в глобальной системе, а не какие-то случайные ошибки в финансовой политике или в оценках финансовых рисков. Продуцирование денег странами-лидерами становится главным потому, что лишь оно позволяет поддерживать опережающее расширение потребительского спроса, от которого сегодня полностью зависят и экономика, и социально-политическая стабильность в этих странах. Именно поэтому продуцирование денег здесь намного опережает реальное производство, превращаясь в определяющую отрасль фиктивного производства. Так, если на протяжении XX в. прирост прибылей в США составлял в среднем 5–6% в год, а темпы прироста ВВП с 1995 г. находились на уровне 4,5%, то прирост денежной массы за этот период шел значительно быстрее, в отдельные годы он превышал 10% [31]. Иначе и быть не могло, учитывая то, что США как самая крупная экономика мира обеспечивает тем не менее производство лишь около 20% мирового ВВП, тогда как потребляет вдвое больше и производит до половины мировых отходов. Такой строй когда-то был назван паразитическим и загнивающим, с чем нельзя не согласиться.

Таким образом, деньги как товар из простого средства обращения сначала превратились в капитал и стали приносить владельцам средств производства прибыль. Постепенно в большинстве стран мира утвердилось господство класса капиталистов. Последний на основе известной формулы "деньги – товар – деньги" объединил все формы капитала в финансовый капитал, который со

временем начал действовать по формуле "деньги – ценные бумаги – деньги". Так возникли финансовая олигархия и господство ТНК, разделившие между собой мир, которым сегодня правят не столько правительства, сколько олигархии. В нынешних условиях мировое хозяйство построено так, что обороты некоторых ТНК превышают ВВП не только десятков стран третьего мира, вместе взятых, но и ряда европейских государств. Например, оборот одной американской компании General Electric больше, чем ВВП Австрии, Швейцарии и Швеции, вместе взятых. То же касается компаний абсолютно разных секторов, которые осуществляют бизнес практически во всем мире, – от энергетических BP, Royal Dutch, ExxonMobil до телекоммуникационных AT&T, автомобилестроительных типа Toyota. В списке самых крупных экономик мира 51 место принадлежит корпорациям и только 49 – странам. В такой "свободной" экономике и "честной конкуренции" всего 8 млн семей получают 25% доходов и финансовых ресурсов населения Земли (около 7 млрд) [32]. Невзирая на нынешние финансовый и экономический кризисы, состояние богачей растет. Всего 1% семей на планете владеет 35% богатствами мира, а 0,001% семей – пятой частью этих богатств. В то же время около 1,4 млрд людей (почти каждый четвертый человек Земли) живут за чертой бедности. По данным ВБ, разрыв между богачами и остальным населением мира растет ускоренными темпами. С середины XIX в. до конца 70-х годов XX в. разница между доходом среднего жителя планеты и среднемировым доходом на душу населения выросла приблизительно с 40 до 80% [32]. Глобальное неравенство достигло наивысших показателей к началу 1980-х. С началом экономического взлета Индии и Китая этот показатель постепенно сокращается – в основном за счет этих стран.

Для такой модели экономики характерной чертой становится возникновение на базе триады промышленного, торгового и финансового капиталов не просто банковского капитала, а лишь его фиктивной части, которая сосредоточилась главным образом на фондовом рынке в основном в виде производных ценных бумаг – так называемых деривативов, существующих в электронном виде.

Именно фиктивный капитал в виде финансовых "пузырьков" стал самым прибыльным в наше время, придумав фиктивные оценки богатства в виде так называемой капитализации и, ничего не создавая, всевозможными способами влезает в карманы миллиардов людей и сотен стран. Как отмечают канадские исследователи Л.Панич и С.Гиндин, начиная со второй половины XX в., капиталистическая финансовая система все глубже и глубже пронизывала общество, интегрируя подчиненные классы в качестве должников, вкладчиков и даже как инвесторов посредством участия в пенсионных фондах, потребительском кредите и ипотечных залогах на строительство и приобретение частного жилья, что было особенно важным в поддержании потребительского спроса в период стагнации заработной платы и роста неравенства [33]. Фиктивный капитал стал реальным обладателем мира на изломе веков. Он способствовал образованию кучки стран-паразитов – так называемых стран "золотого миллиарда", которые имеют негативные торговые балансы, то

есть "пожирают" больше, чем производят. Они же имеют позитивные счета капиталов в платежных балансах, то есть страны-"изгои" еще оплачивают то, что в них забирают богатые страны. Статистика удостоверяет, что страны "золотого миллиарда", в которых проживает приблизительно 15% населения мира, потребляет около 85% всех ресурсов, которые в мире производятся.

Как видим, фиктивный, спекулятивный капитал превращает деньги и ценные бумаги в особенные быстрорастущие финансовые операции, цель которых состоит в получении не базового актива, а прибыли от изменения цены. Такой капитал воспроизводит принципиально новую экономику – *bubbleeconomics*. Данная модель экономики, во-первых, направлена на иррациональное производство и увеличивает объемы и долю в ВВП сферы услуг в виде шоу-бизнеса, игорного бизнеса, массовой культуры и т.д. и т.п., воспроизводя тем самым иррациональное потребление, нацеленное на деформацию человека. Во-вторых, эта модель экономики воспроизводит отношения экономического неравенства между странами. В-третьих, она способствует последующему всевозрастающему разрыву между богатыми людьми и остальным населением Земли.

Существенную роль в воспроизводстве *bubbleeconomics* сыграл монетаризм, который гипертрофировал в экономике роль денег, финансовых "пузырьков", "раздул" объем и долю в ВВП сферы услуг в так называемых развитых экономиках. *Bubbleeconomics* существенно изменила все основные черты товарных отношений, генерируя процесс становления тоталитарного рынка. Характеризуя его самую существенную черту, Дж.Сорос в книге "Кризис общего капитализма", указывает на то, что на современном рынке господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей – корпоративный капитал. Именно он сознательно манипулирует остальными агентами рынка, будь то домохозяйства или мелкие производители. Все они превращаются в клиентов корпораций, еще точнее – корпоративного капитала. Последний создает систему, где победителю достается все (*winner-takes-all market*).

Особенностью современного корпоративного капитала становится его превращение в виртуальный, который соединяет финансовый и фиктивный капитал и воспроизводит виртуальные финансовые технологии и инструменты перекачивания богатств из слаборазвитых стран в развитые. Виртуальные квазирыночные инструменты, так называемые финансовые деривативы 2008 г. оценивались более чем в 1,2 квадрильона долларов, что в десятки раз превышает экономику не только США, но и всего мира. Даже такие столпы западной промышленности, как корпорация "Дженерал электрик" в последнее время подавляющую долю своей прибыли получают от финансовых операций. Их финансовым лицом и могуществом становится не производство, а собственные банки и финансовые подразделения [34].

Что собой представляет монетаризм, испытали на практике и постсоветские страны, в том числе Украина. С началом так называемых радикальных трансформаций с помощью либерализации цен в условиях тотального монополизма, ускоренной приватизации, непрерывного изменения курса ва-

люют, использования чиновниками кресел в рекордно короткий срок образовалась группка олигархов, по существу финансовых спекулянтов, которые создали законодательную систему и абсолютно неадекватные и неконтролируемые институты, в первую очередь, такие, как Национальный банк Украины, и осуществляют денежно-финансовую политику в стране под диктовку и присмотром МВФ. На протяжении многих лет НБУ искусственно уменьшает массу денег, стимулируя тем самым острую потребность во внешних валютных заимствованиях.

Современная мировая хозяйственная практика доказала, что уровень монетизации, то есть соотношение денежной массы к ВВП в развитых странах составляет 60–90%. А в таких странах, как США, Япония, Китай, этот показатель превышает 100%, что позволяет обеспечить денежной массой потребности экономики. В Украине же, которая следует рекомендациям МВФ и ВБ, уровень монетизации растет так, что явно не отвечает потребностям экономики и порождает денежный дефицит: в 2003 г. он составлял 30,3%, а на 1.06.2009 г. – 47%. Покрытие последнего осуществляется за счет иностранных валютных заимствований, которые достигли астрономических величин и угрожают стране экономическим коллапсом. За 2009 г. общая сумма прямого и гарантированного долга увеличилась на 112 млрд грн. По итогам 2009 г. государственный долг Украины достиг величины 301,5 млрд грн или 33% ВВП (в конце 2007 г. он составлял 12,3, а в 2008 г. – 19,9% ВВП).

Обострение долговых проблем Украины обуславливается не только высокими темпами прироста долга, но и неблагоприятными изменениями в его структуре. Да, увеличивается частица эмиссионных ссуд и доля гарантированных обязательств в структуре общего долга государства. За год задолженность правительства по ОВГЗ выросла на 54,1 млрд грн. При этом сумма ОВГЗ, которая находится в собственности НБУ, увеличилась на 41,6 млрд грн. Нарастание внутреннего долга при недостаточно вместительном и диверсифицированном внутреннем финансовом рынке повлекла монетизацию бюджетного дефицита, что, в свою очередь, усиливало риски гиперинфляции и сохранения высоких процентных ставок [35].

В таких условиях растут риски дестабилизации государственных финансов Украины в среднесрочной перспективе. Размер официального государственного долга страны впритык приблизился к критическому значению, а с учетом наиболее рискованных видов условных обязательств правительства – уже превысил его.

Как видим, осуществляемая в Украине монетарная политика под воздействием МВФ и ВБ направлена на воссоздание фиктивного экономического роста. Она характеризуется избыточным потреблением внешних финансовых ресурсов при одновременной либерализации внутреннего рынка и создании благоприятных условий для поступления импортных товаров. Как результат – сокращение многих отраслей промышленности, роста негативного сальдо внешнеторгового баланса и большого внешнего долга. Для экономики, построенной на иностранных заимствованиях, свойственен массовый отток иностранных инвестиций

в связи со значительным "подорожанием" денег на международном рынке. Это так называемая ловушка ликвидности. Украина угодила в нее в связи с падением цен на продукцию металлургии и химии – главных статей нашего экспорта. Все это ставит финансовую систему на грань дефолта.

Вышеупомянутое убеждает еще и потому, что современные экономические теории, в том числе кейнсианство и, в первую очередь, монетаризм стали идеологической базой bubbleeconomics. Они не способны преодолеть существенные недостатки отмеченной модели экономики. Не способны преодолеть указанные деформации и учение П.Самуэльсона. С научной точки зрения его взгляды не представляют собой научную систему, поскольку являются хорошо смонтированной эклектикой. В свою теорию "экономикс" он ввел теорию факторов, теорию маржинализма, теорию спроса и предложения, элементы кейнсианства и институционализма – концепции, построенные на несовместимых методологических принципах. П.Самуэльсон, как и большинство современных экономистов, практически исходит из признания возможности равновесия в экономике. В силу этих обстоятельств в его систему не вписывается, скажем, теория экономической динамики Шумпетера, оптимум Парето и многое другое.

Отметим и такое. Все существующие системы фундаментальной экономиченкой теории страдают одной болезнью. Они носят описательный характер. Они фиксируют структуру экономики в силу понимания автора. В лучшем случае – при этом отмечают видимые автору противоречия системы, но не раскрывают их, не предлагают, как можно заменить описанную систему с присущими ей противоречиями лучшей. Разные предложения можно найти у некоторых критиков существующих систем. Однако они, как правило, утопические, а потому реакционные. Экономисты-романтики звали к кооперативной организации общества. Социал-демократы верят в то, что транскапитализм можно преодолеть путем общих выборов или через выкуп акций рабочими и тому подобное.

В настоящее время все больше ученых и практиков акцентируют внимание на необходимости очистить мировую экономику от финансовых спекуляций, разного рода пирамид и перейти к воссозданию реального сектора экономики. Это касается и США как архитектора bubbleeconomics. Изменение спекулятивно-иррациональной модели воспроизводственной моделью реальных ценностей, которая будет направлена на людей в целом, а не на отдельные личности небольшой группы стран, безусловно способствовало бы преодолению неэквивалентных отношений стран "золотого миллиарда" с остальными странами мира, которые обеспечивают благополучие первых. Однако согласятся ли на это США и некоторые другие развитые страны? Бесспорно нет, потому что рухнет экономика "свободной конкуренции". Названные страны будут делать все, чтобы этого не случилось. Известный философ А.Зиновьев предусматривал, что XXI ст. по кровопролитиям в конфликтах затмит все, происходившее в истории раньше. Понятно, что крови никто не хочет. Выход нужно искать в новых идеях, концептуальных подходах перестройки существующего мирового порядка, а это требует нового системного

учения, которое бы не возвращало общество в прошлое, что невозможно и нецелесообразно, а вывело бы его на высшую ступень развития.

В связи с неспособностью неолиберального, неоконсервативного и социал-демократического направлений в современном обществоведении покончить с циклическим развитием капиталистического хозяйства в научном обществе значительно возрастает интерес к формационному, социально-классовому подходу. По мнению ученых, он преждевременно был списан в исторический архив. Для осмысления нынешнего этапа глобализации с учетом ее многофакторности, многоаспектности и комплексности, а также ввиду непредсказуемости ее социальных последствий для дальнейшего существования на Земле человечества и самой Земли необходимо вернуться к формационному подходу с учетом нынешних реалий. Подчеркивая несостоятельность названных выше школ и их методологических подходов в решении этой проблемы, член Британской академии и Американской академии искусств и наук, обладатель почетных степеней многих университетов мира, выдающийся британский историк Эрик Хобсбаум в своей статье "Триумфальное возвращение учения Маркса-Энгельса" не так давно отмечал: "Нет никаких сомнений, что общественный интерес к работам Маркса в капиталистическом обществе возрастает, исключая, вероятно, бывшие социалистические страны Восточной Европы" [36]. Превращение Запада в "больное общество" приводит многих западных исследователей, далеких от марксизма, к выводу о том, что капитализм выиграл сражение, но это еще не означает, что он выиграл войну. В этом контексте выдающийся французский историк Ф.Фюре задолго до нынешнего глобального экономического кризиса отмечал, что "гибель советского мира ничего не изменила в демократическом стремлении движения к иному обществу. По этой причине ... западная общественная мысль будет и дальше находить оправдание его существованию и падению, и, возможно, придет время, когда она сможет снова возратить себе бывшее увлечение коммунистической идеей" [37].

К сожалению, в украинском обществоведении не только не прослеживается возврата к марксистскому учению о диалектическом характере взаимодействия экономики и политики, но и отмечается упорное игнорирование или незнание новейших достижений западной общественной мысли, далеко выходящей за рамки апологетических теорий и концептов, сформулированных "ортодоксами-догматиками от либерализма". На Западе в последнее время сложилось немало новых, неортодоксальных, но научно обоснованных подходов, ставших итогом глубокого научного анализа как западных, так и незападных реальностей. Особый интерес в этом отношении представляют выводы западных ученых о неминуемом революционном или квазиреволюционном подъеме в результате нынешнего экономического кризиса, достаточно объективные оценки (по сравнению с официальной апологетикой) мегатрендов мирового развития и сопровождающих его противоречий, а также достижений "новых демократий", образовавшихся на постсоветском пространстве,

в социально-экономической, политической и культурной деградации. Незнание того, что сейчас происходит в США и ЕС, не позволяет украинским ученым в создании интеграционных сценариев для Украины выйти за рамки американоцентризма и евроцентризма в то время как направленность вектора социального развития каждого континента Земли смещается сегодня на Восток. Этот факт делает евроазиатскую интеграционную идею не столь бесперспективной архаикой.

Таким образом, сегодня накоплен достаточно большой критический материал о противоречиях современного капиталистического общества и в первую очередь финансового капитала, деятельности транснациональных монополий. Однако, общественная наука не создала новой модели общества, что является ее важнейшей задачей. Это не позволяет выработать программу действий преобразования современного мира.

В Украине, для того, чтобы общественные науки выполнили свою роль в разработке стратегии социально-экономического развития и политического устройства страны, им прежде всего необходимо освободиться от прозападной идеологической ангажированности, служить своему народу и своей стране, а не заокеанским покровителям и грантодателям, быть интеллектуальной совестью нации, а не научной услугой олигархических кланов и обслуживающих их политических режимов.

Литература

1. McNeil W.H. *Globalization. Long Term Process or New Era of Human Affairs?* // *New Global Studiers*. – 2008. – Volume 2. – Issue 2. – Article 4. – P. 1–9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <www.bepress.com/ngs/vol2/iss1/art4>.
2. Hill K.T., Hill G.N. *The Fact on File Dictionary of American Politics*. – N.Y., 2001. – P. 121–122.
3. Сміт Р. Що таке глобалізація? // *Виклик глобалізації: збірка наукових праць*. – К. : Стило, 2001.
4. Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР / пер. с пол. Л.Филимоновой. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2010. – С. 5.
5. Шапталов Б.Н. Экономическая экспансия. Теория и практика обретения национального богатства. – М. : ЗАО "Издательство "Экономика", 2008. – С. 53.
6. Fridman T. *What the World Needs Now*. – *New York Times*. – 1999. – March 28.
7. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / пер. с англ. Ш.Нагиба, С.Кастальского. – М., 2007. – С. 109–110.
8. Dumenil G., Levy D. *The Nature and Contradictions of Neoliberalism* // *A world of Contro-diction: Socialist Register 2002*; Eds. L.Panitch L. Kolin. – Toronto: Merlin Press, 2003. – P. 64–65.
9. Spero J.E. *Information: The Policy Void* // *Foreign Policy*. – Fall 1982. – P. 139.
10. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / отв. ред. С.Ю. Малков. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – С. 304–310.
11. Selgin G. *Central Banks as Sources of Financial Instability* // *The Independent Review*. – Spring 2010. – P. 493.
12. Stiglitz J. *The Non-Existent Hand* // *London Review Of Books* -Vol. 32 No. 8–22 April 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.lrb.co.uk/v32/n08/joseph-stiglitz/the-non-existent-hand/print>>.
13. Harvey D. *WSF: Opening speech at the Urban Reform Tent* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://focusweb.org/india/index2.php?option=com_content&task=view&id=1123&pop=1&page=0&Itemid=27>.

14. Economic Report of the President. Transmitted to the Congress February 2000. – Washington: Government Printing Office, 2000. – P. 74.
15. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец "Pax Americana". – М. : Вече, 2003. – С. 134–135.
16. Гэлбрейт, Дж.К. Великий крах 1929 года / пер. с англ. С.Э.Борич. – Минск : "Попурри", 2009. – С. 11.
17. Зомбанакис М.А. Причины и последствия мирового финансового кризиса: выступление перед депутатами Государственной думы, аспирантами и студентами факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова 24 апреля 2009 г. / пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2009. – С. 5.
18. Къеза Дж. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния / пер. с ит. Н.Мироновой. – М. : Эксмо, 2006. – С. 57–59.
19. Arestis Ph., Singh A. Financial globalisation and crisis, institutional transformation and equity // Cambridge Journal of Economics. – March 2010. – P. 225.
20. Роговский Е.А. США: информационное общество (экономика и политика). – М. : Международ. отношения, 2008. – С. 282.
21. Vybee R. 'Rebound City' Hustle – March 25, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.inthesetimes.com/main/article/5694/>>.
22. Roberts P.C. Markets Fail When Humans Are Unregulated. – February 3, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vdare.com/roberts/100203_markets.htm>.
23. Roberts P.C. New Economy: Was It All Hype? – February 04, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdare.com/roberts/new_economy.htm>.
24. Кругман П. Возвращение великой депрессии. – М. : Эксмо, 2009. – С. 282–283.
25. Сорос Д. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / пер. с англ. Кристофа Вагнера. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010.
26. Лужков Ю.М. Транскапитализм и Россия. – М. : ОАО "Московские учебники и Картолиитография", 2009. – С. 16.
27. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / рук. авт. колл. Д.С. Львов; отд.экон. РАН. – М. : Изд-во "Экономика", 1999. – С. 19.
28. Economic News Release. Employment Situation Summary. USDL-10-0394. April 2, 2010. THE EMPLOYMENT SITUATION – MARCH 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.bls.gov/news.release/empsit.nr0.htm>>.
29. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. и прим. Г.Г.Пирогова. – М. : Мысль, 2003. – С. 249.
30. Шинкоренко Т.П. Структурные изменения в экономике Украины: сравнение с общемировыми тенденциями // Экономика и прогнозирование. – 2006. – № 1. – С. 77–92.
31. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы: сборник работ / под общ. ред. Ю.Д. Маслюкова. – М. : Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. – С. 132, 134.
32. А.Беликов. Либерализм – дорога на обочину // Газета "2000". – 2009. – 15 мая. – А 2.
33. Panitch L., Gindin S. From Global Finance to the Nationalization of the Banks: Eight Theses on the Economic Crisis [Электронный ресурс] // The Bulletin E-Bulletin No.189, February 25, 2009. – Режим доступа: <<http://www.socialisrproject.ca/bullet189.html>>.
34. Лужков Ю.М. Транскапитализм и Россия. – М. : ОАО "Московские учебники и Картолиитография", 2009. – С. 20.
35. Новий курс: реформи в Україні. 2010–2015: національна доповідь / за ред. В.М. Гейця [та ін.]. – К. : НВЦ НБУВ, 2010. – С.101.
36. Хобсбаум Э. Триумфальное возвращение учения Маркса-Энгельса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.bigness.ru/?area=articleItem&id=89035&mode=print>>.
37. Фюре Ф. Минуте однієї ілюзії. Нарис про комуністичну ідею у XX столітті / пер. з фр. – К. : Дух і Літера, 2007. – С. 792–793.

Надійшла в редакцію
11.05.2010 р.